

Независимость Михаила Барышникова

Вех. Михаил - 1998 - 27 авг - 67.

Барышников как-то сказал, что у него прямо-таки патологическое стремление быть независимым. В свое время он избавился от гнета советской системы, совершив вслед за Нуриевым и Макаровой побег на Запад, добился материальной свободы, организовав свой бизнес, создал свою труппу, которая независима от дотаций, от спонсоров и рассчитывает только на кассовый сбор. Но все это — независимость в материальной сфере. А великий танцовщик обрел нечто большее — свободу в сфере творчества. Он был абсолютно раскрепощен в области классического танца. Все строгие каноны, правила, требования академической школы он выполнял с такой безупречной правильностью, чистотой, легкостью, что создавалось ощущение полной свободы, парения над всеми трудностями, гениальной игры, неожиданной пластической прихоти.

Эта свобода была приобретена адским трудом, уроками великого педагога Александра Пушкина, усилиями многих преодолений. Но все это оставалось за порогом класса и репетиционного зала, на сцене танцовщик увлекал редкой легкостью жизни в танце. Ему были доступны и лирика, и драматизм, и даже героика. Все, что он делал на сцене, пронизывала мысль. В партии Меркуцио в балете И. Чернышева «Ромео и Юлия» на музыку Берлиоза он создавал образ юного философа, образ светлых раздумий, лукавых мыслей, которые рождались так легко и свободно, что становились

дерзкой игрой, сверкающей шалостью. «Полет мысли» — это избитое выражение как нельзя лучше передает существо виртуозного, безукоризненно точного танца Барышникова. Сочетание невероятной виртуозности, невероятного темпа со спокойной улыбчивостью, с ясностью внутреннего мира создавало впечатление прозрачного танцевального рационализма. Мальчишеская невозмутимость, веселое бесстрашие заставляли ощущать в его летучем изяществе стальную дружину незаурядной воли и мужества.

Почти ребенок, «путти» обнаруживал остроту насмешливого ума, дар безупречного мужского самообладания,

Михаил Барышников —
Альберт в «Жизели»

а в его беспечности таилась мудрость философского стоицизма, может быть, даже фатализма. Барышников ошеломлял танцевальными «загадками», «головоломками», было трудно поспеть глазами за тем, что он проделывал ногами. Все казалось произволом, прихотью, капризом вольной хореографической фантазии

(а не добросовестным воспроизведением сложного балетмейстерского рисунка), торжеством потом и кровью завоеванной творческой независимости.

А остановился на партии Меркуцио, которую Барышников танцевал немного, ибо спектакль не вошел в основной репертуар Кировского те-

атра, а между тем, может быть, именно эта партия наряду с Адамом в «Сотворении мира» и Альбертом в «Жизели» была наивысшим достижением молодого танцовщика.

В Америке Барышников станцевал огромное количество партий — от классических до современных, поставил немало своих спектаклей, руководил АБТ. В последнее время он оставил классический репертуар и с успехом выступает в области модерн-танца, организовав свою труппу. Опять поиск независимости от проблем, связанных с возрастом. Дело не только и не столько в физических трудностях. Не менее важны проблемы нравственные и эстетические. Барышников говорит о них со свойственным ему трезвым юмором: «Мужчине в моем возрасте прыгать просто неприлично. Продолжать танцевать «Жизель»... Ну что ж, я бы мог. Я в такой форме, что могу совершенно спокойно завтра станцевать «Жизель», ну не завтра — через неделю. Но для меня это будет совершенно бессмысленный шаг, хотя спектакль может быть довольно интересным. Старый ловелас — пятидесяти лет — выходит в трико... Забавно?»

Барышников хочет избавления от условностей и трудностей классических ролей, хочет новой свободы. И, судя по успеху его последних выступлений, он снова добился всегда для него желанной художественной независимости.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН

Фото из архива автора